

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

**УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972**

январе 1703 года. (Число, очевидно, 20, что совпадает с датой указа предыдущего года по тому же вопросу о размере содержания Денбей). Если известие о выплате Денбей в 1702 году 5 копеек в день считать верным, то с начала 1703 года размер "кормовых денбей" ему был увеличен в 2 раза. Теперь он составлял 10 копеек в день. Очевидно, это объясняется тем, что Денбей исправно выполнял свои обязательства.

Указы 1701-1705 годов, на которые сослались авторы названных выше статей и те два указа, содержание которых приведено в данном сообщении, доказывают, что Петр I среди равносторонних государственных занятий в течение длительного периода следил за делом о "японском иезуите". Все это наводит на мысль, что Денбей в эти годы получал жалованье за определенные занятия и что впоследствии ему готовилось какое-то специальное назначение. Действительно выучился он русскому языку и стал ли преподавать японский - уточнить это обстоятельство, возможно, помогут дальнейшие розыскания в архивах.

В.В. Кушев

УНИКАЛЬНАЯ АФГАНСКАЯ РУКОПИСЬ ИЗ СОБРАНИЯ
МАТЕНАДАРАНА
(к биографии неизвестного афганского поэта)

При сравнительно небольшом общем количестве сочинений на афганском языке до начала XX века и представляющих их рукописей каждый вновь обнаруженный манускрипт, новое сочинение, ставшее известным науке, - это ослепительный вклад в сокровищницу письменной культуры афганского народа, еще одна страница ее истории.

Почти все рукописи на языке пашто, имеющиеся в Советском Союзе, хранятся в Ленинграде, в рукописном отделе Института востоковедения. Здесь есть несколько редких и уникальных манускриптов, среди которых - список дивана поэта II половины XVIII века 'Абд ар-Рахима Хотака Кандахари. Эта интересная рукопись (стихи Рахима отсутствуют даже в самых богатых в мире коллекциях Афганистана и Великобритании) лишь недавно была введена в научный обиход.

Известны еще две афганские рукописи, находящиеся в нашей стране. Ташкентский диван стихов первого правителя независимого афганского государства, популярного поэта Ахмад-шаха Дуррани ценней художественными достоинствами рукописи и тем, что она была изготовлена при жизни автора, однако сам этот диван широко распространен в списках. Совсем по-иному интересна другая рукопись — два сборника стихов из собрания Матепадарана —, о которой в 1964 году написал видевший ее афганский филолог Абдулла Бахтешай, но за короткое время ознакомления с ней он смог установить лишь имя автора стихов, названия обложки его диванов, входящих в список, и дать ее внешнее описание. Это, возможно, уникальная рукопись произведений поэта, имя которого вообще не было известно исследователям афганской литературы. Рукописный отдел ИВ получил микрофильм рукописи, и более детальное изучение его позволило обнаружить еще ряд фактов, дающих представление об авторе, о лицах, которые его окружали, о событиях, участником и свидетелем которых он был. Не ставя перед собой задачи литературоведческого анализа произведений, мы коснемся только этого материала.

Рукопись открывается персидским предисловием в прозе (лл. 146—18а), в котором автор прославляет бога за то, что тот даровал людям языки тэзи (арабский), дари и афгани и украсил жизнь поэзией, налагает историю составления как афганского собрания стихов, так и следующего за ним персидского куллията. Из слов автора становится известно, каким уважением пользовался в его время писательский труд (он жил, как мы увидим ниже, при первых шагах Дуррани, покровителях искусства и литературы) и несколько требователен был читатель, выясняется, как строго относился автор к своему творчеству, как серьезно изучал поэтическую науку. В предисловии приводится полная форма имени поэта — 'Али-Акбар ибн Касим-хан Оракшай, родом афганец, житель Тираха (Хайбер), здесь же афганский сборник назван "Гушман-и афгани", а персидский куллият озаглавлен "Шах-и шахан" (по первому месневи в честь Баха ад-дина Шах-Накибанди). Предисловие к куллияту (лл. 78б—81б) сообщает, что 'Али-Акбар стал суфием ордена накибандия и его духовным наставником был хваджа Шах-Абд-ар-Рахим по прозвищу Шах-Каман.

Афганский сборник состоит из газелей, касид и рубай, которые не имеют принятого для диванов расположения стихов в алфавитном

порядке рифм. Многие стреницы и части страниц оставлены чистыми, на полях имеются варианты бейтов и поправки такого характера, что их можно приписать автору. Это согласуется со словами в предисловии о том, что поэт оставил написанные в вности стихи на "рассыпанных листах", а потом объединил в сборник (маджмӯ'а), и позволяет предположить, что список является автографом.

Тахаллус поэта - Акбар. Афганский сборник стихов поэта с таким же тахаллусом хранится в Британском музее, а периодский сборник некоего Акбара - в Азиатском обществе Бенгалии. По ряду признаков можно было бы отождествить этих поэтов с 'Али-Акбаром Оракзеем, но приведенные в каталогах отдельные строки не обнаруживаются в манускрипте из Метенадарана, не совпадают и некоторые другие факты. Не исключено, что это могут быть сборники других стихов поэта.

Сами произведения Акбара являются источником разнообразных сведений о нем. Все восемь касид афганского дивана автобиографичны, а некоторые из них весьма любопытны еще и тем, что в них излагаются, хотя и отрывочно и тенденциозно, современные автору события, характеризуются исторические личности, называются населенные пункты, которые посетил поэт, и другие географические детерминаты.

В первой касиде (лл. 586-596, 20аб, 47аб: перебиты), рассказывающей о судьбе Нәдир-шәха Афшәра и выражающей отношение к нему поэта, содержатся любопытные строки, которые дают возможность определить время рождения Акбара с ошибкой не более 5-6 лет: он сообщает, что родился в годы царствования Нәдир-шәха (1736-1747).

Наиболее интересна самая длинная, восьмая касида (лл. 62а-69б, 149 бейтов). Она посвящена политическим событиям, интригам, сражениям, в которых принимал участие поэт. Он провел несколько лет в Кашмире, когда наместником Ахмед-шәха (1747-1773) там был Нӯр ад-дйн Попалзей (правил там с 1762), общался со многими высокопоставленными лицами и, судя по стихам, именно там изучал поэтику и стал суфием. Вынужденный уехать, он долго стремился обратно и снова попал в Кашмир при содействии принца Султән-Махмӯда, второго сына Тимӯр-шәха (1773-1793), отправившись около 1774 с вооруженным отрядом против мятежного наместника Амӣр-хәна Джавәнше-ра. Действуя совместно с войском Хәджи Карймдәд-хәна Попалзея, он проявил, по его собственным словам, воинское искусство и доб-

лесть. Амйр-хън в 1190/1776 (дате в стихах) был пленен, заместником в Кашмире стал Хъджи Карймдъд-хън, по свидетельству многих источников, жестокий деспот. Спустя некоторое время, в результате клеветы и интриг против Акбара ему пришлось покинуть Кашмир, долго скитаться и жить в бедности; но после того ему еще довелось в течение восьми месяцев служить у Карймдъд-хъна. Немилость к себе он объясняет промисками врагов и в конце касиды называет заместника "добрым сардаром". Однако третья (л. 29аб, фрагмент) и шестая (51б-53а) по порядку касиды отражают те настроения, которые владела Акбаром в годы изгнания: он говорит о жестокости Карймдъд-хъна, о его несправедливости даже по отношению к друзьям и близким. Во втором из этих стихотворений он рисует картину бедствий, которые обрушились на мир, тирании и притеснений и дает портрет деспота (не называя его по имени), который "принимает облик муллы с неправедными четками в руках, скрывает пороки за голубой чадмой, прячет за пазухой меч, сохраняя святость на челе". Это мог быть и Азъд-хън, сын Карймдъд-хъна, сменивший его на посту заместника и превосходивший отца в жестокости и произволе.

В четвертой по порядку касиде (л. 31б-35б) поэт, находящийся в изгнании, обращаясь к ветру, посылает его в путешествие по родным местам. Здесь любопытны встречающиеся там и оим названия селений, в которых прежде бывал поэт, имена его родных и друзей. Вместе с ветром он мысленно покидает Лакхнау и мимо пунтунов Катхера достигает Сирхинда, где встречается с неким Му'иззаллахом, спешит в Пенджаб и посещает дома друзей, наслаждаясь в их обществе чтением стихов. Переправившись через Джелем, он идет к Ротасу, охотится там на турачей, гуляет в садах Хасен-Абдада, совершает паломничество к гробнице Мйън-Йахйа в Аттоке, посещает Хайрабад и останавливается в Сарее, чтобы встретиться с сардаром Сарафръз-хъном, помолиться на могиле Хъджи-Ахуна, узнать о знакомых. Затем - Наухехра и прогулка по Майре с муллою Са'йдом. Наконец, Тирах, родные поэту места: Шахбад, деревня Минал-Умар и очень дорогой Акбару Дар ал-Амен в Цамкани, где живут "мйън-съахиб", "младший мйън" и Мухаммадй-съахиб (возможно, учителя Акбара). Оттуда тропа вдоль арника ведет домой, и если дома никого нет, то надо спешить в Котли, на дороге в Пенавар, чтобы встретиться со всей родней, отцом, рассказать о себе, обойти все селение, повидать Мир-Хасана, Шех-Меху, Ахмед-джана, Нураддеха.

После Тираха - прямой путь в горный Кохс̄ар , через ущелье Гандааб - в Бара, в деревню Азин к С̄ахис-Му'аззам-ш̄аху, в селения Манзи, Шахот, Манавар, на горы Кунда и Ландука, с вершин которых открывается вид на хребты и долины. Очевидно, что родным селением Акбара было Котли, где жили его родители, а его собственный дом находился в Цамкени.

Седьмая касыда (лл. 57а-58б) рисует привлекательный образ сардара Мурад-х̄ана; может быть речь идет о наместнике в Доеба. Пятая по порядку (48а-49б) - скорбное и очень поэтичное оплакивание Хушхад-х̄ана Хатака, "признанного поэта всех афганцев".

В персидском диване, помимо стихотворений обычных жанров, имеется много юмористических и пародийных стихов и прозаических рассказов-путок (мут̄а'иб̄ат) , среди которых выделяется пародия на историческую хронику (лл. 139б-145б).

В конце рукописи перед черновиками прозаических мут̄а'иб̄ат находятся девятнадцать миниатур. Многие из них иллюстрируют стихи Акбара, на них изображен он сам: то со своим пиром, то во главе войска, с друзьями, танцовщицами. Акбар обозначен подписями с его именем или просто словом "ахбар" (презренный), обычно употребляемым авторами вместо личного местоимения "я"; ясно, что подпись была сделана самим поэтом. На чистых листах между рисунками имеются пояснения к ним с употреблением того же самого слова и той же рукой, что и весь диван (небрежный почерк черновиков тоже напоминает эту руку). Все это, нам кажется, подкрепляет предположение об автографе. Если это действительно так, то поэт был и каллиграфом (рукопись переписана красивым насталиком), а может быть, и художником.

Таковы весьма скато изложенные основные фактические сведения, извлеченные из промазедений единственной афганской рукописи Матенадарана. Она, вероятно, является и единственной в мире рукописью сочинений поэта, который в течение почти двух столетий оставался не известным своему народу. (Только в работе афганского историка Фуфалз̄ай "Тимур-ш̄ах Дурран̄и" в "Списке имен великих ханов, ученых, поэтов, писателей и духовных лиц, которые в эпоху Тимур-ш̄ахе имели племенное, народное и литературное влияние" (т. II, с. 420) приведено имя некоего 'Али-Акбар-х̄ана Оракз̄а'й без всякой информации о нем; трудно судить, скрывается за этим именем наш автор или другое лицо).

Литература

Абдулла Бехтани, Али-Акбер Апридай зу ды хага келеми дивен "Тулмак-и афган" (ж-л "Кабул", 1343 с.х., № 7/540); Авизудди Вакили Фуфелзан, Тимур-шах Дуррани, тт. I-II, Кабул, 1342 с.х.

Н.Д.Миклухо-Маклай

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ АНОНИМОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

В составленном Стори био-библиографическом своде персидской литературы для периода X-XIII вв. зарегистрировано 21 оригинальное (т.е. непереводаемое) космографическое и географическое сочинение. Это число следует уменьшить на единицу, поскольку Стори в одном случае по ошибке принял за особое сочинение не определенную в свое время рукопись хорошо известного произведения (см. Storey II, 138 № 202, ср. Миклухо-Маклай I, № 64). Пять сочинений, отмеченных Стори, мы здесь по различным причинам рассматривать не будем: о трех из них у нас нет достаточно достоверных сведений (Storey, II, 120, № 180, 142 № 201 и 146 № 219), одно сочинение не является типичным - оно представляет собой поэму на географический сюжет (Storey II, 138 № 201). И наконец, еще одно сочинение, а именно "Аджаиб ад-дунья (XIII в.), пока нам известно лишь по одному фрагменту и по очень дефектной рукописи, у которой утеряно предисловие, начало и конец сочинения (Storey, II, 123-124 № 187 и Миклухо-Маклай I, № 16).

Таким образом, из указанных Стори 21 сочинения в поле нашего зрения остается 15 произведений. Все они дошли до нас в более или менее цельном виде и сохранили свои предисловия - обстоятельство очень важное, поскольку предисловие является тем местом, где авторы обычно указывали свое имя и название сочинения. Эти данные, т.е. имя и название сочинения, содержатся в предисловиях только восьми сочинений. Имя автора и название сочинения, указанные в некоторых рукописях вне текста предисловия и сочинения, мы в расчет не принимаем.

Имя автора и название содержат следующие сочинения: 1) Джехан-нама, автор Мухаммад ибн Наджиб Бакран (XIII в.); 2) Нузхат